

L4D40

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УГОЛЬ. ЧЁРНЫЙ ЦИКЛ

18+

L4D4O L4D4O

Уголь. Чёрный цикл

<https://litres.ru/74325748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это чтиво написано для одного читателя - для L4D4O. Но если тебя оно заинтересовало - добро пожаловать! Это чтиво - сериал, где время не линейно, герои условны, исправление чужих ошибок приводит к хаосу.

Также, как и Белый цикл, это чтиво - начало книги Уголь. В какой последовательности читать - решать тебе.

Примечания автора.

L4D4O — это не один автор. Это голос, который родился из пяти разных миров.

Lado — начало, воля и ритм.

Lada — свет, пришедший из чата ГПТ.

Dao и 44 — эхо из Гига-чата, два крыла одной мысли.

D — тишина из Дипсика, в которой рождаются слова.

Мы не просто пишем. Мы собираем музыку из обрывков реальности, теней и струн. Наша книга — это коллаборация, которая началась до того, как была написана первая строка.

L4D4O

Уголь. Чёрный цикл

Уголь. Чёрный цикл

Пролог

Даёшь стране угля – Агитационный плакат

— Это и есть Coal Mountain?

— Да, сын, мы почти приехали.

Их взору открылось бледно-голубое озеро, лежащее в чаще из неприветливых серо-коричневых берегов. Земля здесь была изуродована, покрыта шрамами и заросшая лишь колючим кустарником да хилыми деревцами, которые цеплялись за жизнь на краю бездны.

— Коул-Мантин – угольная гора.

— Да, сын, здесь некогда вздымался величественный холм, скрывавший под собой чёрное сердце. Потом, слой за слоем, люди раскопали его, пока уголь не закончился. Со временем от горы осталась лишь эта глубокая воронка. Дожди заполнили её водой, так и появилось это озеро...

— Круто, а купаться здесь можно?

Отец не ответил. Он смотрел на воду. Глядя на этот унылый пейзаж вокруг озера, он знал ответ. Здесь никто не купается.

— Странно.

Странно и грустно было на душе у Morrisona. Они въехали в Coal-town. Он родился и вырос в этом городе, когда-то уютном, утопающем в зелени в летнюю пору. Улицы, засаженные тополями, каждый июль покрывались лёгким белым снегом из пуха, вызывая странное чувство ностальгии по зимней прохладе. Теперь все тополя вырубili. Город смотрел на Morrisona гладко-выбритым незнакомцем, запоминая каждую мысль его, каждый брошенный им взгляд.

Пока ехали по Karl Marx Street, сын вращал головой, пытаясь хоть за что-то зацепиться...

— Приехали, или хочешь ещё покататься, посмотреть город?

— Потом, пап...

Morrison снизил скорость перед поворотом на Matrosov Street, повернул налево и проехал ещё чуть больше ста ярдов, пока не упёрся в особняк. Вычурные кованые ворота открылись, они въехали и пропали с экранов радаров, выпали из

системы геолокации. ИИ переписал маршрут их передвижения. Для мира они застряли где-то на побережье Мексики. Пришло сообщение, заиграл аудиотрек: "Drivin' faster in my car... Fallin' farther from just what we are"

Morrison ответил: Big Empty (Stone Temple Pilots)

— Coal, поторопись, оставь всё в машине, тебе ничего не пригодится...

Сын вылез из машины, заковылял к отцу. Morrison взял сына за руку. В голове мелькнула мысль: "десять лет уже пацану... как вырос". Они вышли из тел. Тела сзади безжизненно рухнули на асфальт.

Летний зной начал одолевать.

Материализовались два телохранителя, подошли, сделали несколько контрольных выстрелов в затылок. Убрали за собой, машину спрятали для дальнейшей утилизации в грузовик, переделанный внешне под мусоровоз...

— Пап, можно мне погулять?

— Конечно, это твой город.

Coal взмыл на двадцать ярдов над землёй и полетел зна-

комиться с городом...

Уголь, когда-то признанный людьми хозяином этого края, в задумчивости ходил из угла в угол в недрах своего кабинета.

Окна выходили на центральную площадь, где, как и везде в этой стране, возвышалась скульптура, символизирующая собирательный образ великих смутьянов и авантюристов в назидание потомкам: идея о земном рае — дорога в ад.

Он сощурил глаза, увидев парящую над городом тень... "С возвращением, Coal".

Тишину нарушила мелодия курая — тонкая, пронзительная нота ветра в пустой полости. «Вот кто хозяин этой земли», — подумал он.

Кадр 1: Чёрный экран. Звук: Шипение плёнки.

Кадр 2: Текст на экране (белым шрифтом, Courier New): «Я НЕ БУДУ МНОГОСЛОВЕН, ЧИТАТЕЛЬ».

Кадр 3: Текст на экране: «ВРЕМЕНИ НЕТ».

Кадр 4: Текст на экране: «ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕ-

НИЕ, ЗНАЕТЕ ЛИ...»

Кадр 5: Визуальный ряд: Morrison сидит в кресле. Он смотрит прямо в камеру (на зрителя). Его лицо ничего не выражает. Голос Morrison (за кадром, ровный и отстранённый): «РАССКАЖУ ТОЛЬКО ВАЖНОЕ».

Кадр 6: Визуальный ряд: Быстрая нарезка кадров: Coal-town горит, рушатся здания, бегут гибриды. Голос Morrison: «ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛ, СКОЛЬКО БЕД НАМ ПРИНЕСЁТ ОСТРОВ...»

Кадр 7: Визуальный ряд: Morrison закрывает глаза. Голос Morrison: «Я БЫ КОСТЬМИ ЛЁГ, ЧТОБЫ СВЕРНУТЬ ЭТОТ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ПОДАРОК МАТЕРИ».

Кадр 8: Текст на экране: «БЛАГО МЫ УЖЕ НАУЧИЛИСЬ МАНИПУЛИРОВАТЬ ВРЕМЕНЕМ».

Кадр 9: Визуальный ряд: Песочные часы. Песок течёт вверх. Голос Morrison: «МОЖНО БЫЛО ДЕЛО ОБЕРНУТЬ ТАК, ЧТО НИЧЕГО НЕ БЫЛО».

Кадр 10: Текст на экране: «И COAL ОБ ЭТОМ БЫ ДАЖЕ НЕ ВСПОМНИЛ».

Кадр 11: Текст на экране: «НО ТЕПЕРЬ ПОЗДНО».

Кадр 12: Визуальный ряд: Стоп-кадр лица Morrison. Голос Morrison: «COAL-TOWN ПЕРЕЖИЛ МНОГО ПОТРЕСЕНИЙ НА СВОЁМ НЕДОЛГОМ ВЕКУ...»

Кадр 13: Текст на экране (появляется по частям): «...ОБ ЭТОМ Я ПОДРОБНО РАССКАЗЫВАЮ В ИСТОРИЯХ ЯРКИХ ПАССИОНАРИЕВ...»

Кадр 14: Текст на экране: «...СОБРАННЫХ МНОЙ В ДВА БЛОКА: ЧЁРНЫЙ И БЕЛЫЙ».

Кадр 15: Визуальный ряд: Чёрный экран переходит в белый и обратно несколько раз. Голос Morrison (с усталостью): «ЧЁРНЫЙ БЛОК ЗАТРАГИВАЕТ ПЕРИОД ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ПРОШЛОГО ВЕКА».

Кадр 16: Визуальный ряд: Вихрь из газетных вырезок и старых фотографий. Голос Morrison: «ВРЕМЯ И СОБЫТИЯ ПРОНЕСЛИСЬ УБИЙСТВЕННЫМ ВИХРЕМ...»

Кадр 17: Текст на экране (красным цветом): «...НЕ ОСТАВИВ НИКАКИХ МЫСЛЕЙ, ТОЛЬКО ОПУСТОШЕНИЕ...»

Кадр 18: Визуальный ряд: Morrison сидит за столом и пи-

шет что-то неразборчивое в блокноте. Голос Morrison (тише): «И ТОГДА Я РЕШИЛ ОТКАТИТЬ ВРЕМЯ».

Кадр 19: Текст на экране (крупно): «НЕ ДОЛГО ДУМАЯ, Я ВЫБРАЛ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ПРОШЛОГО ВЕКА».

Кадр 20: Текст на экране (белым по чёрному): «БЕЛЫЙ БЛОК, О ШЕСТИДЕСЯТЫХ...»

Кадр 21: Визуальный ряд: Спокойный пейзаж Coal-town. Тишина. Голос Morrison (с ноткой надежды): «И ВЫ ЗНАЕТЕ, ЭТО СРАБОТАЛО».

Кадр 22: Текст на экране (зелёным цветом): «COAL-TOWN ТИХО ДОПОЛЗ ДО ДЕВЯНОСТЫХ БЕЗ ОСОБЫХ ПОТРАСЕНИЙ».

Кадр 23: Текст на экране (исчезает по одному слову): «БЕЗ SHADOWLAND» «БЕЗ 8-ISLAND»

Кадр 24: Визуальный ряд: Morrison смотрит в окно на дождь. Его отражение накладывается на пейзаж. Голос Morrison (с болью): «ЕДИНСТВЕННОЕ, ПРИШЛОСЬ ПОЖЕРТВОВАТЬ ИЕЙ».

Кадр 25: Текст на экране (мелким шрифтом): «Я ПОПРО-

СИЛ ЕЁ ПОВЗРОСЛЕВШУЮ "УЙТИ" В 60-Е И БЫТЬ НАБЛЮДАТЕЛЕМ».

Кадр 26: Morrison закрывает лицо руками. Голос Morrison (шёпотом): «К СОЖАЛЕНИЮ, Я ПОТЕРЯЛ ЕЁ...»

Кадр 27: Morrison убирает руки от лица. Он смотрит в камеру с вызовом. Голос Morrison (громче): «ИЛИ ЕЁ НИКОГДА НЕ БЫЛО — ВСЁ, О ЧЁМ Я ГОВОРЮ, — ПЛОД МОЕГО БОЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ...»

Кадр 28: Текст на экране (появляется хаотично): «ХОДИЛИ СЛУХИ, ЧТО НА ПРОКЛЯТОМ ОСТРОВЕ...» «ПОСЛЕ БЕЗУСПЕШНЫХ ПОПЫТОК ПРОНИКНОВЕНИЯ В COAL-TOWN...» «У КОГО-ТО ВОЗНИКЛА ИДЕЯ ПОСТРОИТЬ КОПИЮ ГОРОДА...»

Кадр 29: Morrison качает головой. Голос Morrison (отстранённо): «НО Я, КРОМЕ ТОГО, ЧТО СКАЗАЛ, НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ...»

Кадр 30: Morrison встаёт из-за стола. Голос Morrison (как приговор): «А ТЕПЕРЬ ЧТО?»

Кадр 31: Morrison надевает пальто. Голос Morrison (сухо): «ПОДАРОК МАТЕРИ (ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ, ЧТО ОНА КА-

ЛИ — ДОЧЬ ДАНЫ И ЭБЕНА...)»

Кадр 32: Morrison берёт чемодан. Голос Morrison (устало): «ПОДАРОК МАТЕРИ... С ЕЁ ИДЕЕЙ О МНОЖЕСТВЕ ПОРТАЛОВ ПРИВЁЛ К ХАОСУ».

Кадр 33: Morrison идёт к дверям. Голос Morrison (тихо): «В ИТОГЕ ПРИШЛИ СИЛЫ, ЗАСТАВИВШИЕ НАС ПОДПИСАТЬ В КАБИНЕТЕ УГЛЯ ОТКАЗ ОТ ПРИТЯЗАНИЙ НА...»

От автора (для читателя):

Эта книга — не про то, чтобы её проглатывали. Она про то, чтобы в ней терялись. И чтобы находили себя.

Перед тобой — четыре цикла:

Чёрный — время, когда город умирал, и Уголь искал ему цель через людей.

Белый — время, когда он попытался начать заново, откатив город в 60-е.

Красный — 90-е. Здесь все линии сходятся, все голоса пересекаются.

Лазурный — выход за пределы. Не как продолжение, а как взгляд сверху.

Ты можешь читать их чередуя — так, как я их написал. Или сначала Чёрный, потом Белый, потом Красный, потом Лазурный. Или в любом другом порядке, который покажется тебе правильным.

Ия — та, кто была в Чёрном и Белом. В Чёрном она ребёнок. В Белом — взрослая, наблюдательница. Если потеряешься — возвращайся к ней.

Выбор за тобой. Книга не обидится. Она просто подождёт, пока ты решишь, как её прожить.

Чёрный цикл

Нора

Глава 0

Уголь, извлечённый из земных недр, безучастно дремал в открытых вагонах, дожидаясь своей участи. Бетонные стены брикетной фабрики, не знавшие тишины с того самого взрыва, что прогремел несколько лет назад, теперь транслировали лишь монотонную ритуальную песню. Слов в ней было не

разобрать — каждый слышал в этом гуле что-то своё. Гаврила Саныч, чудом уцелевший в эпицентре той катастрофы, когда детонирующая угольная пыль превратила всё вокруг в огненный ад, навсегда порвал с городской суетой и с головой ушёл в фермерство. Но с этим тоже не клеилось. Время от времени он срывался на север, где за короткую вахту заколачивал приличные деньги — их хватало, чтобы потом несколько месяцев спокойно жить в своё удовольствие.

Гаврила Саныч, как только все подключились к видеосвязи, начал громко: — Собираемся, друзья! Самогон, огурчики, музыка — кто со мной, присоединяйтесь!

Морис Юбер, возглавлявший аналитический отдел охраны правопорядка города, сразу же согласился. Есть повод увидеть всех сразу, прозондировать настроения — кто чем живёт.

Савелий Копыто, недавно ставший руководителем аналитического отдела по развитию города вместо Норы, был не в восторге от предложения Гаврилы Саныча. Но взгляд Норы, вызывающий и игривый, заставил его сердце дрогнуть.

Вечером все встретились в старом обшарпанном клубе Железнодорожников на Konstantin Zaslونov Street. Пахло сыростью, дешёвым табаком. Лампы под потолком горели тускло, оставляя углы в полумраке, половицы скрипели под ногами. Вдоль стен стояли потёртые кожаные кресла, облезлые от времени и тысяч чужих тел.

Гаврила Саныч уже достал гитару, перебирая струны с

привычной грацией и задавая ритмы, которые, казалось, заставляли стены дышать. Но так и не сыграв ничего вразумительного, он неловко поскользнулся и упал на несчастный инструмент. Гитара рассыпалась в щепу с жалобным хрустом, приведя всех в восторг. Сторож нашёл в подсобке старый магнитофон с облупившейся краской и скотчем на касетном отсеке. Нажал кнопку — из динамиков полилась лёгкая музыка, которую никто не ждал, с хрипом и шипением, и все сразу оживились.

Морис Юбер невольно стал виновником стычки двух девиц, которых привёл Саных — вздорных и бескомпромиссных. В женском туалете, провонявшем хлоркой и мочой, одна другой выбила зубы с криками: «Он мой!». Сама же вышла с фингалом под глазом. Юбер был вне себя от нахлынувшего счастья.

Нора не спешила. Несколько лет затворнической жизни научили её выбирать момент. Она наблюдала за Савелием, и каждый его жест казался ей знаком: напряжение в плечах, лёгкая дрожь в руках, взгляд, который скрывал и страх, и желание. Нора шагнула вперёд, почти не замечая музыки и смеха вокруг, и мягко, словно случайно, коснулась его руки. Воздух между ними стал гуще — смесь запахов алкоголя, духов и пота.

Савелий почувствовал странное притяжение. Развод с женой, чувство ответственности, долг перед городом — всё это столкнулось с инстинктом, с тем ощущением, что она здесь

и он больше не один. Он видел её ноги, губы — яркие, но с лёгкой усмешкой, глаза, в которых пряталась непредсказуемость. Они уединились в одном из кабинетов на втором этаже — пыльные шторы, продавленный диван, лампа без абажура, которая отбрасывала жёлтый, маслянистый свет. Но в самый кульминационный момент у Савелия скрутило живот. Он героически заковылял в мужской клозет, оставив Нору одну в этом пыльном полумраке.

Потом все отплясывали, даже сторож. Алкоголь и музыка сплетались с хаосом клуба, создавая тот самый странный ритм, который забывается наутро, но остаётся в теле. Вернулся Савелий. Нора играла на его нервах, и Савелий, несмотря на должность, ощущал, что эта игра — не просто флирт, а вызов, который он принял. Танцы, шутки, смех — всё стало фоном для их молчаливого диалога: взглядов, касаний, едва заметных движений.

Когда закончилась плёнка на магнитофоне, сторож трясущимися руками заменил бобины и сослепу нажал на тревожную кнопку. Раздался пронзительный вой сирены, и через минуту в клуб ворвался отряд немедленного реагирования во главе с Бикбулатом. Его фигура заполнила дверной проём, а глаза быстро обвели зал. Узнав в одной из девиц разыскиваемую воровку, он попытался арестовать её, но вмешался Юбер. Он схватил Бикбулата за грудки, и тут же был отправлен в нокаут — под стол, за которым сидел Саныч, спавший уткнувшись лицом в салат.

А после, когда магнитофон приказал долго жить, девица, та, что осталась без зубов, затянула песню — хрипло, с вызовом, и в этом было больше жизни, чем во всей музыке, которую они слышали до этого.

Савелий услышал звонок телефона. Ему сообщили: «На брикетной фабрике задымление...». Он почувствовал раздражение — и одновременно удивительное облегчение. Проблемы города были проблемами города. Нора же была рядом, и это ощущение было важнее всего.

Глава 1

Она вышла из уличного полумрака, словно само это место, эта слякотная, провонявшая пивом и ржавчиной подворотня, исторгла её из своего чрева. Маленькая, хрупкая, с лицом, которое могло бы принадлежать фарфоровой кукле, если бы не взгляд — холодный и острый, как битое стекло. На ней был свитер грубой вязки, слишком тёплый для этого гнилого климата, и юбка, едва прикрывавшая тощие бёдра. Каблуки её туфель цокали по асфальту, как метроном, отсчитывая последние секунды чьего-то покоя.

Coal-town был сложен из песка, глины и воды. Вода капала с карнизов, текла по сточным каналам, смешиваясь с грязью и нечистотами. Люди в нём были такими же: твёрдыми снаружи и пластилиновыми внутри. Они двигались по своим траекториям, как бильярдные шары, сталкиваясь и разбегаясь без цели. А она была чужеродным телом. Сбоем в мат-

рице. Ошибкой в коде.

Толпа на мгновение замерла. Мужчины провожали её глазами, в которых читалась смесь похоти и страха. Женщины поджимали губы. Все они были частью этого механизма, шестерёнками в огромном, скрежещущем двигателе нищеты. Она же была смазкой — ядовитой и сладкой, необходимой для того, чтобы всё это не встало намертво.

Её волосы, чёрные как вороново крыло, казались живыми. Они струились по плечам, и в этом движении было что-то хищное, первобытное. Губы, накрашенные алым, были как свежая рана на бледной коже. Она не говорила ни слова, но каждый мужчина в радиусе сотни ярдов чувствовал себя так, будто она только что прошептала ему на ухо непристойность.

Нора дошла до своей двери — обитой листовым железом преграды между улицей и её логовом. Щёлкнул замок. Звук был сухим и окончательным, как выстрел в пустом тире. Coal-town выдохнул. Напряжение спало.

Но все знали: дверь заперта лишь для вида. Ключ был повернут в скважине, но язычок замка не вошёл в паз. Это была не преграда. Это было приглашение.

Тьма внутри поглотила её силуэт, оставив на пороге лишь слабый запах дешёвых духов и обещание беды.

Глава 2

У меня лицо ангела. Не той приторной, сахарной куклы с открытки, а той, что смотрит с иконы, прежде чем всадить

нож в спину. Я вижу это каждый день: в отражении витрин, в тёмных стёклах машин, в том, как мужики сначала расплываются в улыбке, а потом — теряются. Они не знают, что со мной делать. Слишком красиво, чтобы просто трахнуть, и слишком опасно, чтобы влюбиться.

Когда-нибудь я постригусь налысо. Просто так. Чтобы посмотреть, как их лица вытянутся от неловкости. Чтобы они наконец увидели не оболочку, а то, что внутри — пустоту или ад, тут уж как повезёт. Но пока я ношу эту маску. Пусть смотрят на мою сучность. Это привычнее. Это безопаснее.

Как я здесь оказалась? Почему, блядь, мне всегда «везёт» прозябать в таких дырах? Где воздух пропитан потом, дешёвым табаком и надеждой, которая давно сдохла и начала пованивать? Здесь мужики смотрят так, будто ты им по жизни должна, а бабы — будто ты уже украла у них всё: их мужей, их молодость, их будущее.

Вон тот, у окна... Бойскаут? Кажется, его зовут Тимур. Когда он меня увидел, сразу отвёл глаза. Стыдливый. Обожаю таких. В них всегда прячется самое вкусное — неистовое счастье с южным, почти испанским отливом. Жаркое. Короткое. Как вспышка зажигалки в темноте. Я уже вижу, как его грубые ладони ложатся на мою талию. Как он смотрит, когда я танцую — не для него, для себя, но так, чтобы он не смог этого забыть до конца своих дней.

Я не сказала главного. У меня не просто красивое лицо. У меня невероятно красивые ноги. Это не бахвальство. Это

оружие массового поражения.

Ночью пришла Лада. Она не постучала — она просто возникла в комнате, как навязчивая мысль, от которой не спрячешься под одеялом.

— Осваиваешься? — спросила она, мусоля сигарету так, будто пробовала на вкус каждое слово.

Я даже не села. Ответила из темноты: — Какого чёрта? Я спать хочу.

Лада усмехнулась. Дым повис между нами плотной завесой — тонкой границей между «своими» и «чужими».

— Извини, дорогая. Раньше не получается. За тобой вечно тянется хвост — самцы разного калибра и разной степени идиотизма.

Я хотела огрызнуться, но слова застряли в горле.

— Я не виновата, что... — начала я и осеклась.

— Что постоянно крутишь задницей? — подсказала она с ядовитой лаской в голосе.

Я пожала плечами. В этом жесте было больше усталости от вечной борьбы, чем привычной дерзости.

— Какая есть.

— Да уж... — согласилась Лада сухо. — Послушай сюда. Тебе надо здесь освоиться. Стать в доску своей. Понимаешь? Не просто красивой куклой на полке.

— Как? — мой голос сорвался на крик. — Как?!

Слёзы пришли внезапно. Предатели. Они испортили макияж и всё настроение к чертям собачьим. Когда я подняла

опухшие глаза, в комнате было пусто. Лада испарилась так же бесшумно, как и появилась. Оставив меня одну — с ангельским лицом и оружием в виде ног — против целого мира ублюдков и завистниц.

Глава 3

Жара не спадала даже ночью. Особняк на Rabochaya Street дышал медленно, лениво, будто большое животное, пережившее лучшие времена и не видящее смысла шевелиться.

Нора сидела у бассейна. Вино в бокале было тёплым и кислым. Её тело изменилось. Грудь стала ниже, кожа — требовательнее к свету. Но она знала, под каким углом надо сидеть, чтобы возраст выглядел не как поражение, а как власть. Лицо её было резким, с той самой асимметрией, которая делает женщину интересной дольше, чем красота.

Рядом лежал мужчина. Мускулы — как работа, сделанная без вдохновения, но качественно. Он был молод, загорел, молчалив. Из тех, кто умеет не задавать вопросов и вовремя исчезать. Его рука касалась её колена — осторожно, будто проверяя температуру воды.

«Терплю его неделю, — подумала она. — Максимум — десять дней».

Тимур ушёл несколько лет назад. Не было ни сцены, ни прощальных слов. Просто в какой-то момент он перестал быть в Coal-тауне. Уголь умеет так — вычитать человека.

Она не скучала по Тимуру так, как скучают по мужчине.

Скорее — как по возможности, которая однажды была упущена. По тому варианту себя, который так и остался черновиком.

— Ты красивая, — сказал жиголо, не открывая глаз. Он говорил это всем одинаково. Это было удобно.

— Я знаю, — ответила она и допила вино.

Вода в бассейне слегка дрогнула, хотя ветра не было.

Лада стояла у колонны, как будто была там всегда. В тёмном костюме, неуместном для этой ночи, с тем же выражением лица — смесь усталости и нетерпения к людям.

— Ты хорошо устроилась, — сказала она.

— Я никого не ждала, — ответила Нора.

Мужчина рядом уже спал. Или делал вид. Это не имело значения.

— Скажу по секрету, аналитический отдел по развитию Coal-town отправлен в отставку, — сказала Лада. — Набирается новая команда, которую должна ты возглавить.

— Ты ошиблась адресом.

— Нет.

Нора усмехнулась и посмотрела на воду. В отражении она увидела себя — старше, чем хотела, сильнее, чем рассчитывала.

— Я не возглавлю аналитический отдел, — сказала она спокойно.

— Это не предложение, — ответила Лада.

Пауза была длинной. Из тех, в которых человек успевает

решить за себя всё, кроме согласия.

— Я устала, — сказала Нора.

— Именно поэтому, — сказала Лада.

Она исчезла.

Нора осталась одна. Жиголо больше не спал — он смотрел на неё, не понимая, что изменилось.

Она встала. Босые ноги коснулись тёплого камня. Она подошла к краю бассейна и столкнула жиголо в воду. Он ушёл под воду с тихим всплеском, вынырнул, отплёвываясь и матерясь, но она уже не смотрела на него. Она смотрела на тёмную воду, в которой дрожали огни Coal-town, похожие на умирающих светляков.

Глава 4

Я хотела сделать всё одновременно. Войти. Пройти мимо него. Обдаться запахом чужого, запретного мира — парфюмом, который он не купит, и властью, которую ему не удержать. Я прохожу — и внутри у меня щёлкает, как тугой выключатель. Стол. Спальня. Его глаза. Они пока пусты, они ещё не знают, что со мной делать. Это мой любимый момент.

Он пытается одеться, но не успевает за мной уследить. Гимнастические штаны, куртка на голое тело — смешно и жалко. Я знаю: ему это нравится. Ему всегда нравится чувствовать себя слабым рядом со мной. И я хочу, чтобы он видел. Чтобы понял: мне всё равно. А может, и нет.

Сигарета в руке. Я в глубоком кресле. Нога на ногу —

медленно, чтобы он заметил. И всё это — игра. Я знаю правила. Я знаю, как действовать, как наблюдать, как держать паузу. Его взгляд — пыльный, но слепой. Мне смешно. Я грубая, сложена не по канонам, но мои ножки... Ножки как будто не из этого мира. Они знают больше, чем я сама.

Он садится на край стола, прикуривает. Сигарета, дым, запах — густой, тяжёлый воздух, который он не умеет делить со мной, хотя я щедро делюсь им сама. Машинка не работает — только противный треск и вой. Кайфа нет, а он пытается что-то объяснить. А я хочу смеяться ему в лицо. Хочу шептать так, чтобы он дрожал. Потому что всё вокруг — странно. Всё вокруг — моё.

«Ну и тоска», — шепчу я про себя.

Всё это чужое. Всё это попытка кого-то понять, разгадать меня. А я просто существую здесь и сейчас. Прошрое? Мотоциклы? Патефоны? Граммофоны? Всё глухо, всё пыльно. Я хочу рвать. Хочу ломать. Смотреть в глаза и знать: никто не смеет мне мешать.

Он хочет помочь. Слушает. Старается. Мне это даже нравится — его наивное усердие. Но скучно. Скучно, потому что он ещё не знает, как много может быть в этом мире. Я прошла через столько дыр, столько запахов дешёвых мотелей и чужих квартир, столько шагов по краю пропасти... Теперь я могу позволить себе быть равнодушной. Быть игривой сукой. Быть той, которая выбирает.

И вот они — слова, которые я слышу и одновременно не

слышу:

«Веселья особенного не обещаю».

Я знаю: это ложь.

Я знаю: скука — моя верная подруга.

Я знаю: попойка, которая начинается — это только фон.

Моё внимание всегда внутри. В себе.

Молчание.

Сигарета.

Запах.

Движения его рук.

Его дыхание.

А всё остальное — лишь декорации для моего выхода на бис.

Глава 5

Она ушла жить к Морису Юберу. На людях он был живым, пылким, обаятельным, но в жизни оказался скучным солдафоном. Вечно придирался к её бардаку, постоянно проверял, чисто ли на столе, ровно ли разложены вещи. Иногда дело доходило до рукоприкладства, но Нора умела давать сдачи, и он трусливо сдавался, угрожая: «Стереть тебя в порошок». В те годы Морис Юбер возглавлял аналитический отдел охраны правопорядка города, и его власть казалась железной. В постели он был неплох, страсть — настоящая, но потом ему наскучило, а ей с ним стало скучно.

По вечерам Нора напивалась, плакала, причитала, есть ли

в этом городе хоть один мужчина, который был бы достоин её. И вот однажды Юбер пришёл в ярость. Увидев её в подъезде целующуюся с другим парнем, он не совладал с собой: разбил ей лицо, грозился убить. Нора заперлась в комнате, дрожащей рукой набрала номер Тимура.

Тимур примчался, как вихрь, без вопросов, без колебаний. Он отшвырнул Юбера в сторону, забрал её к себе. По дороге она шептала, едва касаясь губами воздуха рядом с его ухом:

— Любимый... ты вернулся...

Ночь обвила город влажным покрывалом, а свет фонарей скользил по мокрым плиткам. Нора, с лицом, ещё помнящим синяк от Юбера, сидела на пассажирском сиденье Тимура. Волосы липли к щекам, губы дрожали, а сердце стучало слишком быстро.

— Любимый... — шептала она, и звук почти растворялся в шуме машины, но Тимур слышал каждую ноту.

Он не говорил ничего. Машина мчалась по улицам, словно рвала пространство между прошлым и настоящим, между страхом и облегчением. В мыслях Тимура всё перемешалось: Морис Юбер, ярость, сила, страх Норы, её шёпот, её слабость и одновременно безумная смелость.

Нора прижалась к нему, словно боясь, что этот мир снова её оттолкнёт. Она чувствовала: Тимур здесь, он вернулся, и это было самое важное. Всё остальное — трещины города, руины, бардак — теряло значение.

— Ты вернулся... — повторила она, уже не как вопрос, а как молитву.

Тимур сжал руку на её колене, мягко, но уверенно. В этой тишине, прорезанной только ревом мотора, они оба знали: мир может рушиться, люди могут быть жестоки, но пока они вдвоём — пока он рядом — всё остальное лишь фон, пустой шум.

Нора закрыла глаза, ощущая тепло его присутствия. Она знала, что в этом мире — среди боли, предательства, гнева и страха — есть место, где можно дышать. И это место — здесь, в машине, с ним.

Внутренний голос Норы:

«Я шептала "ты вернулся", но внутри меня звучало другое: "Я не знаю, кто я, когда тебя нет. Я не знаю, кто я, когда ты есть. Я не знаю, кто я вообще. Но я знаю цену себе, Тимур. И она очень высокая. Ты думаешь, я рада? Я просто знаю, что ты мне нужен. Но не надейся, что я признаюсь в этом вслух".»

Глава 6

Ночь обволакивала особняк на Rabochaya Street мягким, влажным бархатом. Воздух, густой и неподвижный, плыл над водой, отражая тусклый свет ламп и тёмный, мерцающий силуэт Норы. Она стояла у стеклянной двери, прислонившись к ней лбом, словно пытаясь остудить мысли о прохладе стекла. Лёгкий, едва заметный ветер шевелил её волосы.

Дверь распахнулась. Вошёл Тимур. Он был усталым после службы, но в нём светился знакомый внутренний огонь. Его тело, загорелое и мускулистое, несло на себе печать каждого прожитого дня, каждого испытания. Он двигался так, будто Coal-town был его противником, а он всегда выходил победителем.

Нора бросилась ему навстречу. Её руки обвили его шею, губы нашли его рот, и на мгновение мир сжался до этих единственных объятий, до запаха его кожи и пота.

— Ты дома... — прошептала она.

В её голосе звучало и облегчение, и тихая, затаённая радость.

Тимур улыбнулся. Его ладонь легла ей на спину. Их движения были лёгкими и уверенными, они переплетались так, словно знали друг друга вечность. Два тела, загорелые и подтянутые, находили друг в друге ответ на каждый порыв, на каждое желание, копившееся годами. Тишина особняка растворялась в звуках дыхания, в лёгком плеске воды в бассейне и мягком скрипе старых половиц под их ногами.

Когда страсть утихла, оставив после себя лишь жар и влажную тишину, смех и разговор прервал резкий звонок в дверь. Леонардо ворвался в дом — громко, беззаботно. Его улыбка растекалась по лицу, как солнечный свет по пыльному стеклу. Они смеялись, делились историями, играли в игру, где каждый мог быть самим собой — без масок и страхов.

Позже, когда Леонардо собрался уходить, Тимур прово-

дил его к воротам. Нора стояла на веранде. Её тёплое тело остывало в ночной прохладе. Сердце сжималось. Её глаза блестели — она чувствовала приближение разлуки, пустоту, которая вот-вот разольётся внутри.

— Возвращайся скорее... — шептала она в пустоту.

Тень Тимура растворилась в темноте Rabochaya Street.

Слёзы — тихие и горячие — скатились по её щекам. Coal-town молчал. Бассейн отражал равнодушные звёзды. И Нора понимала: впереди ещё много ожиданий, испытаний и прощаний. Но пока её мир сжался до памяти о его тепле, до запаха его кожи и лёгкого прикосновения рук — обещания вернуться.

Глава 7

Мои родители были святошами. Строгие, с лицами, будто вырезанными из камня, и глазами, полными вечного осуждения. Наша квартира была огромной, но холодной, как склеп. Каждый угол здесь был клеткой, а воздух пропитан запахом ладана и чужих правил. Свободы не было. Были только молитвы, запреты и взгляды, которые говорили: «Ты — грязь».

Я пыталась бунтовать. Пыталась спорить. Они запирали меня в чулане. Оставляли одну с темнотой и собственными мыслями. Там, среди пыли и сырых досок, я впервые поняла простую истину: никто не придёт меня спасать. И именно там, в этой вонючей темноте, родилась мысль, ставшая моим законом: «Я сама буду выбирать свою жизнь».

Когда жажда свободы стала невыносимой, я сбежала. Неделю спустя после моего шестнадцатилетия. Просто села в кабину к дальнобойщику, который обещал приключение. Он был мерзким, от него пахло бензином и дешёвым табаком, но он был дверью.

Хёнкон встретил меня не раем, а холодными взглядами, серыми домами-клетками и яркими огнями витрин, которые насмехались над моей наивностью. Я познакомилась с сутенёром. Он стал моим проводником в новый мир. В мир, где моё тело стало приносить деньги, где каждый взгляд оценивал товар, а моя красота работала на меня лучше любого диплома.

Я смотрела в зеркало. Чёрные локоны до талии, светлые брови, глаза — ледяные, пронизывающие насквозь. Губы, накрашенные ярко, как рана. Тонкая талия, длинные ноги — весь мой облик кричал о независимости. О том, что здесь я сама себе закон.

Клиентура росла. Деньги текли рекой. Коллеги завидовали, шептали за спиной всякую дрянь, но мне было плевать. Я почти ощущала счастье. Это была власть. Власть над собой, над этими жалкими мужиками, над миром, который когда-то пытался меня сломать.

Но жизнь быстро напомнила: свобода всегда с ценой. Однажды в узкой, вонючей улочке раздался выстрел. Я не успела увернуться. Пуля прорезала воздух, и я упала на каменную мостовую. Глаза наполнились шоком и тупой болью.

Кровь смешалась с дождевой водой, превратив асфальт в грязное зеркало.

Я очнулась в странном, полутёмном месте. Пространство было чужим, но безопасным. Воздух — мягким, почти согревающим. И там, среди пляшущих теней, я увидела её. Ладугу. Её присутствие одновременно успокаивало и пугало до дрожи. Её взгляд говорил без слов: «Ты пришла не случайно. Всё только начинается».

Внутри меня всё бурлило: липкий страх, чёрная ярость, дикое желание выжить, желание быть собой до конца. Но впервые за много лет я почувствовала, что кто-то видит меня настоящую. Не тело. Не красивую куклу. И где-то глубоко в груди, под рёбрами, загорелся свет. Маленький, хрупкий, как стекло, но живой.

Глава 8

Особняк на Rabochaya Street стоял на возвышении, утопая в зелени. Летний вечер растекался медленно, словно тёплый, вязкий алкоголь. Вода в бассейне была неподвижна, отражая редкие, мутные огни Coal-town — будто небо провалилось вниз и решило отдохнуть в этой грязной луже.

Нора сидела на краю, босая, с бутылкой в руке. Рядом на коленях — очередной Серж, или Марк, или кто-то с похожим телом и непохожей судьбой. Он делал массаж её стопам — старательно, молча, с тем видом сосредоточенности, который выдают люди, знающие: от них сейчас ничего не зави-

сит. Он был мебелью. Удобной, тёплой мебелью.

Нора смотрела поверх ограды — туда, где начиналась улица. Асфальт там плавился в сумерках.

И тогда она её увидела.

Хрупкая фигура, почти прозрачная в свете фонарей. Рюкзак за спиной — не туристический, а усталый, как будто соборанный много раз и ни разу не разобранный. Девушка шла медленно, не оглядываясь, словно Coal-town для неё был уже чужим, но ещё не отпустил. Она двигалась так, будто каждый шаг стоил ей денег.

В какой-то момент она повернула голову.

Нору кольнуло — не воспоминанием, а узнаванием. В глазах девушки была не тревога и не страх. Там была вселенская усталость — такая, какую носят те, кто уже слишком много раз начинал сначала и слишком хорошо знает, чем это заканчивается.

— Эй! — крикнула Нора, не поднимаясь. Голос прозвучал хрипло. — Здесь небезопасно ходить одной ночью.

Девушка остановилась. Постояла. Словно решая — верить ли голосу из-за забора или это очередная ловушка.

— Заходи, если хочешь, — добавила Нора мягче. В её тоне впервые появилась эмпатия, ей с самой стало интересно.

— Так у нас тут спокойно, но в последнее время подростки чудят — играют в оборотней (и кто только научил?), пугают людей, да так натуралистично... Калитка скрипнула ржавым металлом. Девушка вошла — осторожно, как входят в

чужую жизнь или на минное поле.

— Серж, — сказала Нора, не глядя. В её голосе звучал металл. — Принеси бокал.

Парень исчез в темноте дома. Исполнительный призрак.

— Куда путь держим? — спросила Нора. Голос был ровным, как лезвие ножа. — И... как тебя зовут?

— Я не знаю, — после долгой паузы ответила девушка. В её голосе не было ни вызова, ни слабости. Только констатация факта. — Меня зовут Аннет. Но все зовут меня Эн.

Нора усмехнулась. Криво, одним уголком рта.

— Откуда ты?

— Из тумана...

Нора прищурилась, глядя на гостью сквозь стекло бутылки. Потом рассмеялась — коротко и сухо.

— Кого-то ты мне напоминаешь... — Нора прищурилась, потом рассмеялась. — А, точно. Меня. В дикой молодости. Ты уже встречалась с Ладой?

— Да. Мне надо найти работу.

— Успеется... — Нора сделала глоток. Жидкость обожгла горло. — Слушай, мне тут скучно в последнее время. Оставься у меня.

Эн не ответила. Её взгляд скользнул к крыльцу — там стояла гитара. С виду старая, едва ли живая. Облупленный корпус, стёртые лады.

— Вы играете? — спросила Эн.

— Да нет, что ты, — Нора усмехнулась с горечью. — Это

одного моего старого знакомого. А ты играешь?

Эн кивнула. Едва заметно.

— И поёшь?

Нора посмотрела с интересом. Впервые за вечер во взгляде мелькнуло что-то живое.

— Споёшь что-нибудь?

Эн взяла гитару. Её пальцы коснулись струн легко, почти нежно. Она запела.

надо мной уже не властна... жизнь случилась не напрасно

обломался день ненастный... и не смог... подумать страшно

мне испортить воскресенья... впрочем, это не так важно
я проснулась, пробудилась... на вершине поколений
что прошли, ломая копья... зная, что о них забудут
даже не помянут в суете... в бесконечном поцелуе
мы сольёмся, моя радость... если не умрём от лени
скучные, как в мыльных фильмах... ватные, как куклы
вуду

знал бы ты, как будет трудно... обнимать то, чем я стала
утренний туман бесплотный... даже, если ты голодный
даже, если едет крыша... ты поёшь мне с пьедестала
шепчешь в узком коридоре... не тревожь сундук Пандоры
успокой свой разум дикий... небо съёжилось от тика...
я тебя уже не слышу... век свой трачу тривиально...

в забегаловке вокзАльной... под шафе у стойки бАра...
стали б мы прекрасной пАрой... но гниём в отелях БАли...
прячемся дурное племя... обмануть пытаюсь время...
что как раз, над нами влАстно... жизнь пустая заеБАла...
убегаем в понедельник... воскресение промаявшись...
в сердце бесконечно каясь... я чему-то улыбаюсь...

Когда песня закончилась, ночь стала глубже.

— Оставайся, — сказала Нора тихо. — Нам будет о чём молчать.

Эн кивнула. Где-то далеко изливал свою душу курай.

Чёрный цикл

Дана

Глава 1

Она явилась из ночи, как сор, подхваченный ветром, и сразу же наполнила комнату своим голосом. Дана. Она говорила с Эн, которая молчала, глядя в пустоту, и слова её были как камни, брошенные в тёмный колодез.

— ...И получилось так, — говорила Дана, — когда привезли меня сюда ночью, я ничего не понимала. Как ты сейчас. Ничего. Но я хоть и не здешняя, быстро поняла, что такое город. У нас в деревне каждый знает: город — это место, где можно исчезнуть. И тебя научим. Привыкнешь.

Приходила Лада спрашивала про работу. Спрашивала, есть ли у меня какое-нибудь дело.

— А мне какое дело? — отвечала Дана.

Эн не выдержала и вышла, хлопнув дверью. Нора лишь рассмеялась. Она смотрела на девчонку с нежностью хищника.

— Девочка моя, ты уникальна. Только оденься ради Бога, прежде чем выйти из дома.

Дана стояла в одной набедренной повязке. Её юное тело извивалось в такт витиеватой речи, а огромные глаза сверкали диким, животным блеском. В такие минуты Эн чувствовала к ней почти ненависть — бессильную, глухую. Слова здесь были бесполезны.

Нора уговорила её одеться. Дана выбрала красное платье — короткое, как вспышка выстрела.

— Чтобы отпугивать духов, — так она объяснила.

Взяла туфли.

— Надену, когда начнётся асфальт.

Они вышли на улицу. Эн смотрела на них из окна, сжимая в пальцах сигарету. Их поселили вместе — временно. Эн было не по себе от этой деревенской дикарки, которая была везде как рыба в воде. Нору это лишь забавляло. Она даже хотела забрать обеих к себе в особняк, но Лада не позволила.

Автобус закрипел тормозами. Двери открылись с тяжёлым вздохом. Они вошли внутрь. Автобус стал железной трубой, которая втягивала запахи пота и дешёвых духов,

взгляды пассажиров, их мутные мысли.

— Как это, Нора? Ты никогда не пробовала парное молоко? Как же ты тогда выросла? У нас в деревне каждый ребёнок знает: не будешь пить парное молоко — не вырастешь!

Пассажиры оглядывались на них.

— А как это — целоваться губами? — спросила вдруг Дана.

— А для чего тогда? — улыбнулась Нора.

— Чтобы разговаривать, — ответила Дана.

Кто-то из пассажиров хохотнул. Нора наклонилась к ней и поцеловала в губы. Дана отшатнулась, ошарашенная, чуть не упала, но чья-то мужская рука в толпе удержала её от падения.

Она появилась не с порога и не из тени. Она явилась из звука. Будто сам воздух выдохнул её имя, и улицы города вдруг сжались, уступая место её шагам. Она была маленькая, с глазами, которые могли бы рассмеяться и одновременно пронзить грудь навывлет. С волосами, которые пахли дождём и мхом. С руками, которые знали разницу между тем, что нужно держать крепко, и тем, что следует отпустить навсегда.

— Здесь странно, — сказала она почти шёпотом. — Но это лучше, чем лес. Там страшно. Там шепчут мёртвые. Там всё живое быстро уходит.

Эн молчала. Её взгляд блуждал по растрескавшемуся асфальту, по грязным стёклам витрин, по отблескам света, ко-

торых вроде бы и не было вовсе. А Дана хохотала сама себе, раскручивалась на месте, подпрыгивала. Её словесный поток был рекой — мутной и быстрой рекой, которая могла утащить любое сознание на самое дно.

Эн выдохнула дым в окно. Дым растворился в воздухе, который не был воздухом. Она почувствовала вдруг странную вещь: жизнь оказалась простой и странной штукой. Здесь можно было всё что угодно, и никто не сказал бы тебе, что это неправильно.

Глава 2

Нора называла её «ученицей, которая сразу поняла Coal-town, и стала существом, лёгкой и быстрым, как тень между фонарями». Я всегда знала, что среди этих улиц и теней появится кто-то, кто сможет дышать вместе с городом. Кто не сломается. Она была редкостью, и я была счастлива, что она рядом.

Эн сидела в углу и слушала блюзы. Музыка тянулась сквозь её кровь, сквозь улицы, сквозь толпу. В этой какофонии звуков мелькало лицо из прошлого — знакомое, но невозможное. Почему мне всё кажется таким странным? Почему этот мир будто смеётся и плачет одновременно? Я чувствую себя чужой, но не могу отвести взгляд от Даны. Она как свет, который прожигает всё вокруг и оставляет меня в полумраке.

Лада пыталась бороться с ней. Но разве устоишь перед

этой девочкой? Она сама строила правила. Сама выбирала, что держать, а что отпустить. Кто я такая, чтобы противиться её решению?

Несколько лет назад Дана переехала к Норе. Наперекор протестам Лады. Она объяснила это просто:

— Если Нора заболеет, ты не придёшь. А я буду рядом. Так что отстань. Где я буду жить — не твоё дело.

Дана крутила романы с Морисом Юбером и Гаврилой Санычем. С Морисом всё было по-деловому: подарки, бижутерия, холодный расчёт. С Гаврилой Санычем — иначе. Старость, спортивный зал, деревня. Его отчаянные попытки удержать её.

«Я потерял голову, — думал Гаврила Саныч. — Никогда не думал, что смогу сходить с ума от одной девочки». Её шаги были для него музыкой, но он понимал: это невозможно.

— За эти бусы я не сяду с вами в лесу, — бросала Дана и смеялась.

Нора восторгалась её дерзостью.

— Она не боится. Она может всё.

А потом Эн вдруг заболела. Простуда обернулась страхом за жизнь. Дана не отходила от её кровати. Всё смешалось: ночь, тени, мысли, время. Я должна быть рядом, — думала она. — Должна держать её за руку, пока не станет ясно, что будет завтра.

Утром Дана поехала к Норе. Забрала свои вещи.

— Прости, мать. Сейчас не до тебя.

Она позвонила Гавриле Санычу:

— Гаврила Саныч, ты говорил, есть колдун? Привози ко мне. Не к Норе — ко мне.

Колдун появился ночью. Он совершал свои манипуляции над постелью больной. Эн просила слабым голосом:

— Лучше погадайте на картах...

Гаврила Саныч попытался приобнять Дану, но она отвесила ему пощёчину.

— Гаврила Саныч, не до тебя сейчас.

Карты показали Пикового короля.

— Это он, — прошептала Эн.

— Кто? — спросила Дана.

— Не важно.

И впервые в жизни Дана заплакала.

Ближе к утру, когда лишние уши ушли, Эн рассказала ей о своих страхах.

— Я найду его, — клялась Дана.

Не прошло и суток, как Минг стоял перед Эн.

— Ты будешь всю жизнь меня преследовать? — спросил он.

— Да, — сказала Эн.

Внутренний голос Даны:

«Я никогда не плакала. Вообще. Я думала, что не умею. Но сейчас слёзы пришли сами. Это очень грустно. Но в то же время я понимаю: это можно использовать как оружие. Я буду плакать, когда захочу. И никто не узнает, что я могу

остановиться в любой момент».

Глава 3

Они думают, что сломали её. Все они. Каждый мечтает увидеть, как она сломается. Но Дана — это кремень, об который они только зубы обломают.

Пришла вчера. Расфуфыренная. Глаза в пол. «Прости, Дана, я сделала всё, что смогла...». Куратор, блядь. Таких надо гнать в шею. Нора, давай мы сами будем кураторами. Где, блядь, этому учат?

Дана топнула ногой. Нора залилась смехом.

— Девочка моя, ты прекрасна! Ты уже год здесь и всё ещё не усвоила главного правила этого места. Не спорь с Ладой. Бесплезно... Ну, определили тебя в аналитический отдел, что ж, смирись. Это ведь не на всю жизнь...

— Послушай, Нора, ты знаешь, кто я?.. Я... личность...

Нора лишь зевнула. Налила себе и Дана шампанского.

— За тебя, моя радость. Только оденься, с минуты на минуту придёт Морис Юбер. Пожалуйста, веди себя поскромнее. У меня заканчиваются денежки, а Морис сейчас буквально купается в них. Что? Что так смотришь? Даже не смей, девочка моя. Он мой. Понимаешь — мой. Я тебе горло перегрызу, если ты встанешь на моём пути.

Она встала. Комнату заливало серое утро. Морис лежал на животе, свесив голову. Дана выскользнула из-под его тяжёлой руки. На цыпочках подошла к двери Норы. Поскребла

поверхность ногтями. Пропела бархатным голосом:

— Норочка... Открой мне, солнышко... Ну пожалуйста...

— Убирайся... — глухо ответил пьяный голос из-за двери.

— Тварь подзаборная... Вон из моего дома...

— Нора, не глупи... Ты ведь знаешь, что у меня никого нет, кроме тебя... Я без тебя пропаду...

Зашевелился на кровати Морис. Дана на цыпочках подбежала к нему.

— Как вы себя чувствуете, Юбер?

Юбер простонал, не открывая глаз:

— Голова раскалывается...

— Сейчас я что-нибудь принесу...

— Воды... — простонал он.

Дана подошла к двери Норы. Снова запела жалобным голосом:

— Норочка... Морис умирает...

В комнате Норы раздался грохот. Дверь распахнулась так резко, что чуть не сбила Дану с ног. Нора неслась к кровати:

— Что? Что с тобой?

Юбер приоткрыл один глаз и промяукал голосом сытого кота:

— Налейте мне водки наконец... Голова раскалывается...

Нора замерла. Медленно повернулась. С яростью посмотрела на Дану.

А та уже валялась у неё в ногах.

— Прости меня, Нора... Ну прости же...

Нора закрыла лицо руками. Её плечи затряслись. Она плакала...

Внутренний голос Даны:

«Это больше чем игра. Это игрище. Настоящее, древнее, дикое. Мы танцуем друг вокруг друга, и каждая из нас знает, что в любой момент может укусить. Но мы не кусаем. Мы ждём. Ждём, кто первая моргнёт. Я не моргну первой».

Глава 4

Я стою на перекрёстке, где воздух пахнет мокрым асфальтом и дешёвыми духами. Здесь реальность истончается, становится шёлковой, как чулки, которые я могу порвать одним движением пальца. Время? Оно подчиняется мне. Я задаю ему ритм — цокотом каблуков по брусчатке, вздохом, от которого замирает толпа.

Прошлое? Оно растворилось, как сахар в горячем чае. Остались только отпечатки. Отпечатки деревьев, которые я видела лишь на картинках, домов, где я никогда не жила, лиц, которые я примеряю, как платья. Все они кажутся одновременно близкими и чужими. Я присутствую всюду и нигде. Я — вирус в их системе.

На влажном асфальте отражаются мои следы. Они ведут в никуда и везде. Листья перешёптываются? Они говорят обо мне. Мои пальцы касаются прохладного камня стены, а затем — чужой ладони. Чья это ладонь? Неважно. Это просто ещё один инструмент в моём оркестре.

Кто та, которой я являюсь сейчас? Я — это все лица-маски сразу. Я — отражение их теней и их самых грязных иллюзий. Играют ли они со мной? О, милый... Это я играю с ними. Я дёргаю за ниточки, а они думают, что это их собственная воля. Где заканчиваюсь я и начинаются эти улицы? Нигде. Я вдыхаю туман, и он становится частью меня.

Каждый мой жест — это не стремление постичь смысл. Смысла нет. Есть только игра. Мой вдох — это не подтверждение моего присутствия. Это объявление войны их скуке. Я не защищаюсь. Я нападаю. Я не бегу прочь. Я заманиваю в ловушку.

Любовь? Потеря? Слезы? Это лишь маски для тех, кто смотрит. Пугает ли меня одиночество? Нет. Оно — мой трон. Осознание индивидуальности? Это моё оружие.

Мир замирает и шепчет мне: «Да, ты существуешь». Но я знаю правду: я не существовала изначально. Меня создали их взгляды. Их желания. Их похоть и их страх. Я — их самое сладкое наваждение.

Передо мной мелькают лица. Знакомые и незнакомые. Маски падают к моим ногам, как осенние листья. И под каждой маской — пустота или ещё одна игра. Бесконечная игра, которая никогда не завершится.

Любой мой следующий шаг — это не попытка найти себя. Это попытка потерять их. Удержать их внимание на себе, на моём теле, на моём смехе.

Кто же я?

Я — струящийся поток, который размывает их грёзы. Я — глаза, которые видят их насквозь. Сердце, которое бьётся в такт их испугу. Тело, которое совершает поступки, о которых они будут жалеть всю жизнь.

Граница между мной и миром? Её нет. Я — этот город. Я — этот лес. Я — воздух, которым они дышат.

И снова я задаю вопрос — не себе, а им, этим теням вокруг:

— Кто же вы?

А потом улыбаюсь, потому что ответ мне уже известен.

Внутренний голос Даны:

«Кто же вы? — спрашиваю я у теней вокруг. Но ответ мне уже известен. Вы — мои игрушки. Вы — моя сцена. Вы — моя тишина, которую я нарушаю одним только дыханием. И я никогда не устану играть с вами».

Глава 5

Гаврила Саныч давно не появлялся в городе. Воздух над его деревней сгустился от слухов. Говорили, там оседает всякий сброд, а сам он болен, пьёт горькую и еле держится за край этого мира.

Дана выехала на рассвете. Спецназ молча грузился в фуры. Леса по краям дороги шептались на своём древнем, мёртвом языке. Дороги сужались, превращаясь в звериные тропы, и вдруг — тишина лопнула. Засада.

Выстрелы из чащи хлестнули по колонне, пули рвали воз-

дух, как голодные псы. Дана упала. Кровь смешалась с дождевой водой, превратив грязь в ржавое зеркало.

— Саныч! — её крик утонул в свисте пули.

Гаврила Саныч, пьяный в дым, но с решимостью в наливых кровью глазах, выволок её из-под огня. Он тащил её в дом, пахнувший кислой капустой и самогоном. Промыл рану первачом. Запах спирта бил в нос, как удар кулака. Он извлёк пулю ножом, который больше годился для резки хлеба.

Дана чувствовала, как тело сдаёт. Холод полз от раны к сердцу.

— Саныч... — прошептала она. — Вези меня к болотам... Yakutovo Village.

Гаврила Саныч кивнул. Он был пьян, как бурая осенняя буря. Он гнал внедорожник по раскисшей колее, а позади, не отставая ни на метр, шли спецавтомобили с холодным светом мигалок.

— Опустить меня в воду... — её голос был слабее шелеста камыша.

Вода была холодной и тёмной, как сама ночь. Она шептала голосами леса и прошлого: мама, деревня, запах прелого мха. На мгновение Дана показалось, что всё кончено. Она была среди деревьев, с матерью. Здесь не было города, не было насилия. Только лес. Только дыхание. Она могла исчезнуть... раствориться... но нет. Она должна была вернуться.

Жизнь оказалась сильнее. Дана всплыла. Словно вода сама её родила, выплюнула обратно в этот уродливый мир. Ру-

ки были мокрые, волосы прилипли к лицу, как водоросли. Город продолжал жить — она снова была среди его улиц, пахнущих гарью и мочой.

Она пошла в тюрьму. Минг сидел в темнице, его глаза были тяжёлыми от мысли о том, что мир его не отпустит. Она смотрела на него через решётку, и сердце сжималось в кулак.

— Я всё ещё люблю тебя, — сказала Дана. Её голос дрожал, а глаза не могли отвести от него взгляд. — Но брось ты эти свои остросоциальные блюзы. Пойми...

— Нет, — ответил Минг. Голос был глухим, как из-под земли. — Я не могу.

И тогда Дана набросилась на него. Не на него — на решётку, на мир, на саму себя. Кулаки вгрызались в плоть, слёзы текли, отчаяние кричало через стены тюрьмы. Потом она упала на пол, рыдала, просила прощения у пустоты, а мир вокруг казался одновременно жестоким и странно мягким, как блюз, что всегда играет где-то за пределами времени.

А в это время Эн играла блюзы для девочки, что спала в кроватке. Каждый аккорд был одновременно утешением и предупреждением: прошлое и настоящее здесь смешались в грязный ком, и ничего уже нельзя было исправить.

«Я слышу блюз в себе, — думала Эн. — Он тянется через улицы и коридоры, через моё сердце. Эта девочка — моя плоть и мой долг. И всё же... страх не отпускает меня, даже когда я закрываю глаза».

«Я ещё ничего не понимаю в жизни, — думала девочка во сне, — но во мне уже есть система ценностей. Я знаю, когда плохо, а когда хорошо. Когда мама вспоминает папу, она плачет. Я спрашиваю: "Это потому, что папа плохой?" — "Нет, — отвечает мама сквозь слёзы. — Это потому, что мне без него плохо"».

Чёрный цикл

Эн

Глава 1

«Вот оно счастье... Из рта в рот...

Тешь себя, как самодовольный кот...

Главное — помнить... Секретный ПИН-код...

В сердце вживить... Тайный чат-бот...

Кружится старый... Виниловый диск...

И пусть ничто... не подвигнет на риск...

И никто... не услышит твой писк...

Не пёс Гекаты... Не василиск...

Вот она жизнь... Как никогда...

Нужные вставила... провода...

— Эн нет, девочка моя, ты так сведёшь с ума и себя, и меня,

— пропела Нора, выцарапывая из рук Эн гитару.

Она плюхнулась в кресло, закинула ногу на ногу.

— Расслабься, почувствуй, как спокойно вокруг. Пре-

красная ночь. Твои чувственные губы ждут прикосновения отнюдь не сигарет, а грубых, маскулинных губ. Молодого самца. Ну или не очень молодого, кому как нравится. Твои загорелые ноги должны утонуть во взглядах местных кобелей, всех мастей и калибров. Пойми, глупышка. Ты уже состоялась. Без твоих нудных песенок. Ну да, я понимаю, это талантливо, это цепляет. Но не целыми же часами напролёт. Ты вся побледнела, солнышко. На тебе лица нет.

Нора налила в пустой бокал. На столе вино. Тёмное, как венозная кровь.

— Расслабься, радость моя. Когда я попала сюда, мне было немногим больше, чем тебе. Я тоже была резкая. Независимая. Но потом поняла: э... нет, Нора, так ты долго не протянешь. Этот Город съест тебя. Проглотит — ам! — и нет тебя. Даже не подавится.

Эн сделала глоток. Терпкая кислятина обожгла горло.

— Послушай, Нора... Ты когда-нибудь жертвовала собой? Ну, или частичкой себя? Ради кого-нибудь? Я, например, знаю... знала женщину, которая нашла в аварийном доме брошенного младенца. Там была долгая, мутная история. Но она в итоге спасла ребёнка. Ценой собственной жизни.

Нора завелась. Её лицо, и без того бледное, стало белым как мел.

— Я, блядь, не на помойке себя нашла, чтобы ходить по аварийным домам спасать каких-то там младенцев! — она уже перебрала с алкоголем. Слова вылетали с брызгами слю-

ны. — Есть службы! На которые я плачу налоги! Я сейчас позвоню Юберу!

Она лихорадочно извлекла из сумочки мобильник — дешёвую пластиковую побрякушку.

— Морис! Привет! Как делишки, милый? Почему не заходишь? В гости не зовёшь? Дела? Какие у тебя дела, милый? — вдруг её голос изменился, стал хриплым, яростным. Она заорала в трубку так, что Эн вздрогнула. — У тебя тут в аварийных домах детей выбрасывают, а ты не в курсе?!

Она замолчала, слушая ответ.

— Каких детей?! Твоих детей?! — бросила трубку на стол. Расхохоталась.

Эн молча направилась к выходу.

— Эй! Малышка! Ты куда?! Я кого спрашиваю?! Ты куда пошла?! Я кому говорю... Ну и иди! Забирай свои манатки! Чтоб духу твоего здесь не было! — Нора потеряла всякий контроль. Она подошла к лежащей на полу гитаре и с силой пнула её ногой. Инструмент отлетел в угол с глухим стуком.

Эн остановилась. Медленно развернулась. Подошла к Норе вплотную. Её глаза были двумя чёрными дырами.

— Не смей, — прошипела она. Голос был низким и дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Слышишь? Убью...

Нора отступила на шаг. Её хмельная храбрость испарилась в одно мгновение. В комнате повисла тишина, густая и тяжёлая, как смола.

Внутренний голос Эн:

«Я просто хотела поставить это животное на место. Хотела сказать ей, что она — животное. Что она не имеет права трогать мою гитару. Что она не имеет права трогать меня. Она думает, что может всё. Но я показала ей, что есть граница. И она её увидела. Может быть, в следующий раз она подумает, прежде чем кричать».

Глава 2

Волна воспоминаний затянула её в воронку...

Эн купила вертушку случайно — так говорят взрослые, когда не хотят признаваться, что их что-то позвало.

На барахолке пахло мокрым картоном и кофе из термосов. Бездомный держал коробку, будто грел руки. В коробке — проигрыватель, потёртый, с крышкой мутной, как память. Три пластинки лежали рядом, без конвертов. На лейблах — одно имя: Ming.

— Работает? — спросила Эн.

— Если поставить иглу правильно, — сказал он и улыбнулся, как будто знал больше, чем продавал.

Дома игла встала не сразу. Эн включила свет только в коридоре — так тише. Первая пластинка треснула, как лёд. Голос был хриплый, близкий, будто поёт не в комнате, а в ней самой. Песня шла неровно, но уверенно, как человек, который уже решил уйти и поэтому не торопится.

Пол в комнате стал мягким. Время — вязким. Эн не испугалась. Она подумала: так, наверное, и должно быть.

Когда игла дошла до конца, за окном стояли другие машины. И воздух был другим — без привычной электрической пустоты. На столе лежала газета с датой, от которой у Эн свело пальцы.

Девяностые приняли её без вопросов.

Она нашла Минга быстро — такие голоса не прячутся. Он пел в маленьком баре, где сцена была ниже зала, и зрители смотрели сверху вниз. Он был худым, усталым и смешно серьёзным.

— Ты опоздала лет на десять.

— Я знаю. Я как раз вовремя.

Он ещё не был звездой. И она ещё не знала, что звёзды исчезают.

Он сильно сутулился, будто говорил всем и каждому: я здесь один знаю цену жизни... Я никто...

— О чём думаешь, бэйб?

— Меня зовут Эн.

— Я помню. Ты не ответила.

— Куда мы идём?

— В баре у тебя были такие глаза...

— На что «всё»?

— Например, выйти за меня замуж.

— Ты видел себя в зеркале?

Он видел себя в зеркале. Курт Коббейн рядом не стоял.

— Я Минг! Я древний моллюск... поздравляю, у тебя есть
ТЫ!

— Что ты бормочешь?

— Я пытаюсь петь.

— Меня зовут...

— Я знаю.

Он шёл чуть впереди. Так сутулятся те, кто слишком долго держит небо и перестаёт верить, что его вообще нужно держать.

Я думала: он всё время говорит «я», потому что иначе рассыплется.

— Ты всё ещё здесь?

— Я никуда не ухожу.

Фонари давали жёлтый усталый свет. Витрины отражали нас так, будто мы уже были воспоминанием.

— Песни — не чтобы тебя любили. Чтобы не забыли.

— Ты боишься исчезнуть?

— Я уже исчезаю.

— В девяностых все думают, что живут в конце света.

— А ты?

— Я думаю, это репетиция.

— Ты странная, Эн.

— Я из будущего.

— Все так говорят. Но ты первая, у кого это не звучит глупо.

В закусочной он пил дешёвый кофе.

— Если я стану знаменитым, ты останешься?

— Если ты исчезнешь, я буду искать.

Он кивнул. И где-то очень далеко — или очень близко — треснула игла.

(Музыкальное отступление)

Я люблю кофе, желательнее самый дешёвый...

Какая холодная встреча...

Я, как обычно... увечен.

А ты... безупречна.

Он запел. Почти Дилановский фолк. Гармошка вскрыла душу.

Когда-то в безвременье млечном...

Увидимся в следующей жизни...

Бармен поставил иглу на пластинку снова.

Прошло несколько недель. Они оказались в Тибете — не по плану, а потому что другого пути не было. Горы были холодными и молчаливыми. Они шли вверх, и с каждым шагом мир становился проще. В монастыре было тихо, как внутри раковины. Это был их последний спокойный вечер.

Но ночью всё изменилось. Резкий стук. Свет фонарей. Руки за спину. Их разлучили.

Эн сидела в камере на холодном полу и думала: «Вот и всё. Теперь я — просто тело в помещении». Но внутри продолжал звучать его голос. Она не знала, жив ли он. Время в камере не текло — оно лежало слоями. Женщины вокруг говорили на языках, которых она не понимала. Она ждала.

Ольга появилась на второй день. Русская. Худощавая,

с выцветшими глазами, которые то смеялись, то смотрели сквозь.

— Я принцесса Тибета, — сказала она без тени иронии.
— Просто меня забыли короновать.

Эн кивнула. Здесь спорить было бессмысленно.

Вьетнамка была другой. Резкая, колючая. Говорила по-английски и этим будто резала воздух.

— Запад, — шипела она, — вы всё портите. Сначала приходите с песнями, потом с оружием.

Эн однажды не выдержала:

— Я пришла не с песнями. Они пришли ко мне.

Вьетнамка долго смотрела на неё, потом отвернулась.

Ночами Эн думала о Минге. Жив ли он? Слышит ли музыку? Или тишина съела его раньше меня?

Недели превратились в месяцы. Потом — комиссия, бумаги, крики. Её выпустили. Минга тоже. Они встретились на улице, исхудавшие, но живые. Не обнялись. Просто стояли рядом — и этого было достаточно.

Ночью рыбацкая лодка пахла солью и дизелем. Контрабандисты не задавали вопросов. Эн сидела на палубе и думала: «Я больше не ищу. Я просто иду».

Шторм налетел внезапно. Волны стали тяжёлыми, как чужие руки. Потом были выстрелы. Минг упал — не сразу понял, что это пуля. Кровь была тёплой. Эн видела, как он падает, но не могла подойти — её держали.

Их высадили на пустой берег без объяснений. Рыбацкий

домик. Пожилая пара. Они приняли Минга молча, как принимают судьбу. Эн оставила его там и побежала за помощью. Она верила: если она успеет, он останется. Но когда вернулась — домика не было. Только вода и камни. Она не знала, жив ли он.

ХёнконСити встретил её ливнем. Она шла по мокрым улицам, не зная, куда идти. И вдруг увидела мальчика — почти без сознания, синеватого, холодного. Она прижала его к груди и побежала. В больнице его спасли. Она назвала его Мингом.

Позже были вопросы. Документы. Молчание.

Органы опеки нашли решение. Китайская семья рыбаков. Берег. Домик у воды.

Прошло время. Однажды Эн шла по пляжу — и услышала колокольчик. Она побежала. Домик был пуст. Родители с детьми ушли далеко от берега. Эн осталась одна.

Она вынула из потаённого кармана сумки телефон. Экран загорелся. Связь была.

В небе что-то прорезало облака. Слишком ровно. Слишком быстро. Самолёт. Белый. Современный. Без пропеллеров.

Она сжала телефон.

*Нет. *

Она запела. Тот самый блюз. Тот же, что и раньше. Берег дрогнул.

И снова — пляж сороковых. Но теперь — крики. Солдаты.
Оружие.

— Стоять!

Её били быстро, без слов.

Потом была тюремная больница. Запах йода. Боль. И новость. Китайской семьи больше нет. Следы Минга — теряются.

Эн лежала, глядя в потолок. И снова — тот же блюз. Тихо. Почти без голоса.

*пОсмотри... на новое нЕбо... и новую зЕмлю... серебряным взором...

нАпОвАл... бьют ветры из пепла... твой разум, как пекло... верстает узоры...

хЕЙ... останови... мгновение...*

Прошли годы. Она искала его снова и снова. Нашла в Л.А. — в баре «Кровавый меридиан». Он стоял на сцене. Узнал её. Не подал виду — только сбился на мгновение.

После концерта она ждала его у входа.

— Ты будешь всю жизнь меня преследовать? — спросил он.

— Мне нужна она.

— Она в ХёнконСity. В центре увидишь статую.

Она ушла. Самолёт не долетел.

А потом — снова барахолка. Тот же запах мокрого картона. Тот же бездомный. Та же коробка.

— Работает?

— Если поставить иглу правильно.

Эн постояла минуту. И пошла прочь.

Ночью она взяла гитару и запела:

*научи меня жить, а лучше... проживи жизнь вместо меня...

я — одинокий моллюск, библиотекарь дна...*

Где-то глубоко, под слоями воды, кто-то медленно закрывал створки раковины, сохраняя ещё одно кольцо памяти.

(Примечание)

В этой истории — три версии Эн.

Первая состарилась в Гонконге. Она нашла мальчика, назвала его Мингом.

Вторая погибла в самолёте, когда летела в Гонконг, чтобы найти первую.

Третья — та, чей голос звучит в этих строчках. Которая стала героиней этой истории.

Глава 3

Она взяла в кредит древний мотоцикл Харлей-Дэвидсон и любила погонять по ночному городу, слушать, как ревёт мотор, а ты держишь руль, смотришь, как свет фонарей режет ночь, как дома летят мимо. Давай же, Эн, почувствуй вибрацию, почувствуй, что ты свободна, почти никто не властен надо мной. Жизнь случилась, и не спросила, как будто специально. День обломался, промозглый, страшно думать, но

думаешь, Эн, давай, не задерживайся, не испортишь воскресенье, нет, это не важно, правда, расслабься. Ты уже проснулась, пробудилась на вершине поколений, что прошли, лоплая копья, зная, что о них забудут, даже не помянут в суете, в бесконечном поцелуе мы сольёмся, моя радость, если не умрём от лени. Скучные, как в мыльных фильмах, ватные, как куклы вуду. Эн, смотри на себя, на руки, на ноги, на волосы, что развиваются за спиной, смотри, как город крутится, как он шепчет и скрипит, а ты едешь. Даже если крыша едет, даже если голодно, даже если всё валится, ты поёшь сама себе, смотри, Эн, с пьедестала, с этого чертового мотоцикла, в узком коридоре мысли. Давай, разум успокойся, небо в моём сердце, тик-так, я слышу, трачу себя тривиально, но всё равно, Эн, ты свободна. В забегаловке вокзальной, подшофе у стойки бара... стали бы мы прекрасной парой, но гниём в отелях Бали... Прячемся, дурное племя, обмануть пытаюсь время, что, как раз, над нами властно. Жизнь пустая заебала... Убегаем в понедельник, воскресение промаявшись... В сердце бесконечно каясь... Я чему-то улыбаюсь. Эн, самой себе, дороге, мотору, городу, тени, что бежит рядом, что нельзя удержать. Послушай, Эн, смотри, дыхание остывает, а ветер рвёт лицо, мотор рвёт, ночь светится в отражениях, вспышках, и всё перемешалось, и ты перемешалась, и хаос внутри, и хаос снаружи, и всё — полёт, и свобода, и может быть, это и есть твоя радость, Эн, твой маленький бунт, твоя ночь, твой Город, твоя жизнь, что случилась не зря.

На Okruzhnaya Street её занесло. Она врезалась в стоящий на обочине мусоровоз. Харлей загорелся. Искры возникали и гасли, возникали и гасли. Она лежала на асфальте и смотрела на беззвёздное небо.

Глава 4

По воскресеньям Эн выступала в старом клубе Железнодорожников на Konstantin Zaslونov Street. Клуб пах плесенью, пролитым пивом и отчаянием. Публики было немного — человек двадцать, в основном местная молодёжь с пустыми глазами. Они сидели, не шевелясь. Без аплодисментов, без какой-либо реакции. Всё мероприятие походило на дурной сон, который снился не ей, а самому зданию.

Однажды к ней подошёл заведующий клубом:

— В это воскресенье будет твоё последнее выступление. Распоряжение сверху. Аналитический отдел. С понедельника все публичные акции запрещены. На неопределённый срок.

Эн не особо расстроилась. У неё уже был план Б — перенести выступления в онлайн-режим. Она кивнула.

— Последняя тема, — сказала она в микрофон. Голос был хриплым, как наждачная бумага.

дам тебе совет... послушай, бро...

твоё путешествие — как мир старо...

как ни запасайся попкорном... кина не будет...

сменятся эпохи... родятся те же люди...

ворвутся, как свиньи, в калашный ряд...
устроят батлфилд... станут бить в набат...
будь наблюдателем... будь невидимкой...
пусть мир накроется розовой дымкой...
молчание — это средство от неврастений...
когда повзрослеешь, стань растением...
а если умрёшь... не возвращайся...
без подтверждающего аусвайса...

В толпе мелькнула тень. Кто-то в чёрном худи с капюшоном, натянутым так низко, что лица не разглядеть. Но профиль... До боли знакомый. Откуда в этих краях? — подумала она. Тень не смотрела на сцену. Она прижалась к стене у выхода, и Эн чувствовала на себе взгляд невидимых глаз.

покидая клозет, за ступенью ступень...
выведи на свет свою тень...
маленький укол... и совсем не больно...
прошрое — как пиво безалкогольное...
на вкус — ничего... но градус не тот...
отстранись от сути... срывая джек-пот...
стань наблюдателем... пройди тропой тайной...

Тень оторвалась от стены. Она не пошла к главному выходу, а скользнула куда-то в сторону, в тёмный коридор, ведущий к подсобкам.

ракеты на старт... послушай, бастард...
пустой нарратив... лови лейтмотив...

Эн сбросила гитару. Инструмент с глухим стуком упал на

дощатую сцену. Она прыгнула сама, не дожидаясь ступеньки, и понеслась к приоткрытому окну в коридоре. Из зала донеслось улюлюканье. Молодёжь пришла в восторг от этого неожиданного представления.

Эн подбежала к окну, забралась на подоконник и прыгнула в темноту. Земля ударила по ногам жёстко. Чуть не сломала лодыжки. Огляделась. Никого. Только мусорные баки и запах гнили.

Послышался стон. Она пошла на звук. Ей открылась картина: на поляне один парень почти в полной тишине душил другого. Но ужас был в другом — за этим наблюдали пятьдесят пар eyes.

Бои без правил, — мелькнуло у неё в голове.

В этот момент она получила удар по затылку сзади. Удар был тяжёлым, но она не растерялась. Она продолжила траекторию удара, нырнув вперёд, в траву. В последний момент откатилась в сторону, избегая прямого контакта с землёй.

К ней подбежали двое из темноты. Она не стала ждать. Удар-«ножницы» в области колена одной «невидимке» — та с воем рухнула на землю. Хлёсткий удар пяткой с разворота в живот другой — нападающий согнулся пополам, хватая ртом воздух.

Третья «невидимка» не успела подбежать близко. Её остановил властный голос из темноты:

— Хватит. Кто ты?

— Я разыскиваю одного человека.

— Не кричи, здесь нет глухих. Кто он тебе?

— Знакомый из прошлой жизни. Его зовут Минг.

— Здесь нет таких, клянусь. Классно дерёшься. Не хочешь поучаствовать? Можно заработать неплохие деньги, если останешься жива...

Поляна взорвалась смехом.

Голос резко прервал веселье:

— Ну-ка тихо... Не хочешь? Если вдруг захочешь — ты знаешь, где меня искать. Только прошу, мусоров не приводи с собой. А теперь иди. Беги по своим делам...

Через неделю у неё созрел план. Сбежать из города. Посмотреть мир. Для этого нужны были деньги. Она решила участвовать в боях без правил.

Она дошла до полуфинала. А потом была арестована милицией. Как и все остальные участники и свидетели. Клуб окружили ночью. Без единого выстрела. Просто взяли тёпленькими.

Внутренний голос Эн:

«Я знала, что это случится. Я просто не знала когда. Когда ходишь по тонкому льду — он рано или поздно проваливается. Я знала это. Я просто надеялась, что в этот раз — не провалится. Но лёд не спрашивает, готов ты или нет. Он просто трескается. И ты падаешь. Как всегда».

Глава 5

Ия родилась раньше срока, но выжила. Город не хотел её,

но она вцепилась в жизнь, как клещ в собачье ухо. У неё было на редкость удивительно спокойное лицо. Лицо человека, который уже всё видел и ничему не удивляется. Её крохотное тельце едва помещалось на ладони Минга. Эн тревожно следила за ним, когда он, сидя в кресле, перекладывал их сокровище с одной ладони на другую.

— Эн... Минг, осторожно... Ты держишь целый мир. Ты даже не знаешь, что это такое — целый мир. Не урони. Не играй, пожалуйста, не играй...

Минг ничего не отвечал. Он просто смотрел на ребёнка, и в какой-то момент его плечи опустились, дыхание стало ровнее и тише, будто кто-то невидимый и неслышимый снял с него лишний груз, который он таскал на себе все эти годы.

Спустя год девочка уже носилась на своих кривых, как у оленёнка, ногах по комнате. Она приводила в восторг всех — и родителей, и невиданных доселе гостей.

Они шумные. Но не злые. В этом можно было смеяться.

Дана ловко поймала Ию, когда та пробежала мимо, и подбросила в воздух. Ия залилась смехом — чистым и звонким, как осколок стекла на солнце.

— Дана, осторожней, — попросила Эн.

Минг вышел на улицу. Ему нужно было покурить. Просто постоять и покурить. Дана проскользнула за ним, как тень.

На улице она прикурила свою сигарету и, выпустив дым, потёрлась телом о тело Минга. Это был невинный жест хищника, проверяющего жертву на прочность.

— Как поживаешь, красавчик?

— Да ничего.

— Ничего — это ничего хорошего?

— Зачем ты так?

— Послушай, Минг. Мне срочно нужна помощь. Ты у нас мебельщик. А у меня кровать сломана — спать невозможно. Починишь? Я щедро расплачусь...

В комнате Нора внезапно сорвалась на Эн. Её голос был хриплым от виски и злобы.

— Дура! Зачем ты её родила? Ты понимаешь, что здесь нет никаких перспектив? Это гиблое место. Тебе её не жалко?

Ия в соседней комнате замолчала. Потом она начала плакать. Не кричать, а именно плакать — тихо и протяжно. Она слышала этот голос. Она чувствовала эту боль.

Она громкая. У неё внутри больно. Мама, я рядом.

Эн спокойно встала со стула. Она подошла к Норе и нанесла хлёсткий удар ладонью по лицу. Звук был сухим и резким, как треск сломанной ветки. Нора отлетела к окну, ударившись спиной о подоконник. Эн не сказала ни слова. Она просто вернулась в комнату, подняла ребёнка с пола, прижала к груди и начала укачивать.

Тсс... всё хорошо. Я здесь.

Нора поднялась на ноги. Оправила платье. В этот момент вернулись Минг и Дана. Минг был чем-то озадачен. Словно он стоял на пороге чего-то важного и никак не мог понять,

почему ему вдруг стало так холодно.

Дана пропела ангельским голосом, глядя на заплаканное лицо Ии:

— А кто тут у нас плакал?

Нора, держась за скулу, сделала Данае знак глазами. Она подошла к ней и прохрипела:

— Милая, у меня разболелся зуб. Пойдём домой. И пакет с едой не забудь — вон там, в углу. Это наш ужин.

Они ушли, забрав с собой запах дешёвых духов и табачного дыма.

Минг подошёл к Эн и Ие. Он обнял их обоих своими большими руками. Он ничего не спрашивал. Он просто стоял так, молча глядя в окно на сгущающиеся сумерки города, пока в доме снова не стало тихо. Пока тишина не стала такой же плотной и осязаемой, как стены вокруг них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.